

Вырезка из газеты УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

от 16 26 АПР 39

Свердловск

Газета №

ВТОРОЙ звонок.

Зрители спешат занять свои места, за пучьтом появляется дирижер. Еще несколько минут. Третий звонок, дирижер плавно опускает свою палочку, и огромное помещение театра наполняется звуками знакомой увертюры. Скоро, собравшись в складки, бесшумно раздвинутся полотнища бархатного занавеса и тысячи человек начнут жить событиями, развертывающимися на сцене.

Антракт. Вновь вспыхивают сотни лампочек, и зрители спешат в фойе, в буфет. Артисты, пользуясь пятнадцатиминутным перерывом, переодеваются, освежают грим. Рабочие ставят новые декорации.

Вечернюю жизнь театра наблюдать легко, ее представляют себе многие. Достаточно несколько раз побывать в театре, чтобы потом нарисовать в своем воображении картину следующего вечера. Звонки, плавные жесты дирижера, аплодисменты, неоднородные вызовы любимых артистов.

Как выглядит театр днем?

Огромный партер пуст. Дневной свет проникает только через двери из фойе. Пусто и на сцене. Кажется, театр, так шумно и празднично проведенный вечер, получил законное право на сон.

Но эта тишина обманчива. Стоит лишь переступить порог двери, отделяющей зрительный зал от сцены, и вы почувствуете, что театр живет: в многочисленных комнатах, залах его цехов идет напряженная творческая работа. В кажущейся дневной тишине театра творятся большие дела, создаются новые спектакли, рождается сценическое оформление. О людях, которые оформляют, «одевают» спектакль, нам и хочется рассказать в этой статье.

Вы видели оперу «Борис Годунов» — огромные парские палаты, стиль-

ную мебель, знакомую по историческим картинам и репродукциям? Видели разнообразие узоров парчи, костюмов? Какие огромные запасы костюмов должен иметь театр, чтобы переодеть три раза хор, представляющий то простой селянский люд, то бояр и другую знать, то шляхту и монахов! Сколько мебели в его кладовых, бутафории!

Разочаруем зрители. Театр, конечно, имеет какие-то запасы костюмов, мебели, но рассчитывать, что все это будет использовано в новой постановке — никак нельзя.

Режиссер и художник ставят и оформляют каждый спектакль по-новому. Над изготовлением декораций, мебели, костюмов, бутафории для каждой новой постановки работает много мастеров — столяров, саножников, портных, бутафоров, цветочниц. И эта работа тоже требует искусства, огромной любви к труду.

В опере «Борис Годунов» много костюмов из парчи. Парчи, бояре старой Руси любили тяжелое и пышное одеяние. Парчой отделялись и панские камзолы. Руководители театра обошли все кладовые своего театра, подсчитали резервы. Парчи нехватает. Как быть? Если под лучами прожекторов ситец приобретает качество шелка, если осветители создают на сцене реку, в которой плавают русалки, зиму, ночь, утро, краснодеревщики — мебель любого стиля, почему бы самим не сделать парчу?

Театральные изобретатели живо подхватили эту мысль. Почему бы в самом деле не освоить «производство» этого дефицитного материала? Посовещались, произвели несколько экспериментальных опытов — они удалась.

За кулисами

И. КОНОВАЛОВ

Не будем разоблачать «секрета», но скажем: парча сделана из фланельки, молескина и другой ходовой мануфактуры.

В театральной мастерской все могут. Бумага, клеей, бронзовый порошок — и театральный мастер сделает из этих материалов любую вещь — круговую чашу, кубок, бокал, шлем, латы, любое вооружение воина, рыцаря.

— Хотите посмотреть нашу оранжею, — говорит нам один из театральных работников. — В несколько минут вам там могут «вырастить» любой цветок, начиная от незабудки, кончая хризантемой.

Мы идем в «оранжерею». Небольшая комната сплошь уставлена цветами. Их не выращивают, а делают из бумаги, материи, но делают искусно, и потом эти цветы могут казаться на сцене живыми или увядшими в зависимости от освещения.

Осветители. К этим людям в театре относятся с особым уважением. Можно затратить на костюмы, прекрасные декорации десятки тысяч рублей и ими оформить сцену. Но не будь в театре хорошего электроосвещения — зритель не сумеет оценить ни костюмов, ни реалистически оформленной сцены.

В последнем акте «Чю-Чю-Сан» зритель видит голубое, чуть волнующееся море, порт, город, расположенный на берегу. Мигает маяк, окна домов ярко освещены. Аплодируя, многие зрители думают, что эту сцену создал только художник. Да,

художник: рисовал, но только на стекле. Осветители повесили в задней части сцены огромный экран из кальки и посредством нескольких проекционных фонарей создали город, море.

Детей, посещающих театр, всегда восхищает картина подводного царства в опере «Русалка». На дне глубокой реки таинуют русалки. Над ними проплывают косяки золотистых рыб. Потом плывут русалки. — Как это сделано? — спрашивают дети. Очень просто. Пригласите к себе в школу заведующего электроосветительным цехом театра тов. Вишневецкого, и он расскажет вам много интересного, научит вас создать у себя дома такую же иллюзию, которую вы видите на сцене. Он вам расскажет вместе с заведующим монтажной частью т. Шипулиным, как создаются на сцене горы, ущелья, когда идет «Демон», откуда берется снег в балете «Кавказский пленник», хотя на улице тепло, как создается на сцене пожар с искрами, густыми тучами дыма.

Зритель должен знать Михаила Григорьевича Шипулина — заведующего монтажной частью театра. В его распоряжении столярный и подсобный цехи театра, машинная часть. Театральная сцена — это очень сложный цех с массой механизмов. Это почти корабль, которым может управлять человек, обладающий огромным опытом, горячей любовью к искусству. Михаил Григорьевич отдал этому делу 35 лет своей жизни.

Со дня основания театра имени Луначарского вместе с Шипулиным работает машинист сцены т. Пискунов. Много отдал театру столяр Кирилл Степанович Киселев. Это его мебель видит зритель в опере «Борис Году-

нов», в балете «Кавказский пленник», в опере «Черевички», видит и удивляется: какие же золотые руки с такой тщательностью отделявали каждую деталь.

В театре большим почетом пользуется драпировщица Груша Занкина, цветочница Мария Федоровна Алтропова. Они делают большое дело, и этому делу отдают себя целиком.

Искор Яковлевич Вишневецкий — заведующий электроосветительным цехом. Пять лет работает он в театре имени Луначарского и все пять лет он с комсомольским упорством ищет, изобретает, стремится сделать свой комсомольский цех стахановским. И можно смело сказать — добился этого. Режиссеры театра не могут пожаловаться на него, как не может пожаловаться сам Вишневецкий на своих подчиненных — молодого осветителя Яхонтова, дежурного электрика Шитова.

Смолига Мария Гавриловна, Шлетнев Иван Васильевич. Вы никогда не увидите на сцене театра имени Луначарского этих двух скромных работников. Но они участвуют в каждом спектакле, как мастера костюмерного цеха. Это под их руководством по эскизам художника снято около четырехсот костюмов для постановки «Бориса Годунова», это в их цехе простой молескин превращается в парчу, а потом — в боярское платье.

Никогда в рецензии не отмечается работа театрального гримера Трушкова, бутафоров Худякова и Сысоева. А ведь это большие люди в театре, это тоже артисты своего дела. Зрители должны знать и эти имена.

И аплодировать им, как горячо они аплодируют солистам, дирижеру, режиссеру, художнику.